

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

М. К. Горшков

Новые черты российского
менталитета: выдержка
и последовательность действий

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gorshkov_novie_cherty.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

**НОВЫЕ ЧЕРТЫ РОССИЙСКОГО МЕНТАЛИТЕТА:
ВЫДЕРЖКА И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ**

Любой кризис – это всегда преодоление отягощающих повседневную жизнь обстоятельств, испытание на прочность для каждого человека. Когда полтора года назад появились первые признаки глобального экономического спада, не было недостатка в самых мрачных прогнозах по поводу будущего развития событий. 2009 год действительно был не из простых. Как же кризис отразился на умонастроениях российских граждан? Ответ на этот вопрос дает в своей статье директор Института социологии РАН, член-корреспондент РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники М. Горшков.

Для того, чтобы дать объективную оценку процессам, происходящим сегодня в общественном сознании, надо прежде всего сопоставить то, что было в умах людей до кризиса, и то, как он повлиял на их жизненные ценности. В любых сравнениях всегда важна точка отсчета. И я бы взял в этом качестве данные опросов, проводившихся в благополучное предкризисное время. Пик оптимистических умонастроений пришелся на середину 2008 года. Именно такие результаты выдавали все социологические службы.

Период с 2005 года по 2008-й по праву был назван временем стабилизации. Доходы людей росли, инфляция оставалась на приемлемом

для России уровне. И наш народ наконец-то сделал то, что смогли осуществить американцы в 30-х гг., а жители ФРГ – в 60–70-х гг. минувшего столетия – перешел в своем экономическом поведении к потребительской ориентации. Проще говоря, надо же было людям когда-то наконец купить, а не "урвать" или "достать" цветной телевизор, да не один, СВЧ-печь, модную мебель, приличную машину, а то и новую квартиру. Тем более что появились дешевые потребительские кредиты.

Мы отмечали у людей и рост патриотических умонастроений. Этому во многом способствовали события августа 2008 г., когда произошел конфликт в Южной Осетии и политическое руководство России четко и решительно продемонстрировало свою позицию, отстаивая интересы страны.

Невиданное до тех пор дело: когда людей спрашивали о том, кем они себя считают, они в большинстве своем стали отвечать "Я – россиянин". Еще каких-то 10 лет назад говорили в основном "Я – русский", "Я – татарин", "Я – отец семейства" и т.п. В целом настроение общества было по всем параметрам благоприятным и даже благодушным.

И вот тут случился кризис, который здорово подорвал оптимистические планы. Уже к февралю-марту 2009 г. данные опросов фиксировали рост тревожности населения, увеличение числа фобий разного типа, прежде всего "внутренних". На вопрос, как они оценивают ситуацию в стране, кажется ли она нормальной, напряженной или катастрофической, люди стали в полтора-два раза чаще давать последние два ответа. Причем, как мне кажется, во многом эти оценки складывались под влиянием средств массовой информации.

А в 2008 году впервые за последние 8 лет доля оптимистов, оценивавших ситуацию в стране позитивно, стала превышать число пессимистов. Ненамного, но важен был сам факт переломной тенденции.

Кризис увеличил количество пессимистов. Но, что удивительно, они не стали подавляющим большинством. Признаться, я, как руководитель исследования, ждал именно этого. Однако население оказалось прозорливее, чем мы с нашими прогнозами.

Доли оптимистов и пессимистов выровнялись – их стало по четверти населения. А оставшаяся половина призналась, что испытывала смешанные чувства: и радость, и горе, и надежды, и их утрату. То есть нормальные эмоции, характерные для человеческого бытия, без крайностей. И это очень важно. Те группы, которые в ходе опросов высказывают какие-то однонаправленные эмоции (неважно, со знаком плюс или минус), мыслят радикально, в черно-белом спектре. А те, кто испытывает комплекс разных чувств, – это реалисты. Они способны представлять общество таким, какое оно есть на самом деле. И, кстати, для них Россия – не "эта страна", а "наша страна». Вот на них-то все в ней и держится. Если таких людей половина и больше, то это обнадеживает. Это и есть основной духовно-психологический ресурс модернизации России.

Необходимо подчеркнуть, что кризис существенно повлиял на социальную структуру общества.

"Похудел" средний класс, причем заметно: с 32% в благополучном 2008 году до 25% – в настоящее время. Но тем не менее все могло быть и хуже. Средний класс все-таки выдержал удар кризиса. И сделал бессмысленными дискуссии о том, есть этот класс в России или нет. Безусловно, есть. И накопил такой запас прочности, что сумел даже в очень сложное время сохранить свое "ядро" (18%). Оно достаточно обширное: за каждым таким процентом – почти миллион человек. Странно, что об этих людях так мало говорят и пишут. А когда говорят, что, мол, среднего класса нет, опираются лишь на маркетинговые исследования. Получается,

что пока средний класс что-то покупает, он есть, а когда он придержал свои сбережения (что сейчас и произошло) – так и растворился в воздухе.

К сожалению, слой малообеспеченных, находящихся в черте бедности людей, у нас существенно вырос – с 43% до 51. Но главное, что именно внутри этой группы (от небогатых до бедноты) образовалась сейчас основная "группа риска". Примерно 15–18% людей не просто пострадали, а очень сильно пострадали от кризиса. И это не только пенсионеры, как может показаться на первый взгляд, хотя им и труднее всего, несмотря на предпринятые государством меры поддержки.

В группе риска сейчас люди предпенсионного возраста, мужчины от 50 до 60 лет, женщины – от 45 до 55 лет. Потеряв работу на волне сокращений, найти новую они не могут. При этом они активны, квалифицированы и опытны. Что с ними делать – непонятно. Снижать пенсионный возраст им явно не станут, а работодателей "обязать" не получится. Выходит, тупик?

И снова давайте переведем проценты в абсолютные цифры. Мы говорим сейчас о 15 млн. россиян. И о них государство как будто забыло.

Есть также люди, находящиеся ниже черты бедности, но как-то выживающие, так называемый "андеркласс". Это понятие очень не любят политики на Западе, а наши делают вид, что о нем не знают. Но само явление описал еще Гюго в романе "Отверженные" и Горький в пьесе "На дне". Они даже не люмпены – хуже. Живут просто потому, что физически существуют. Подняться со дна не в состоянии. Ни помощи, ни поддержки друзей и родственников, которой пользуются люди малообеспеченные и бедные, представители андеркласса не имеют.

Хуже всего, что они рождают себе подобных, и все воспроизводится от точки до точки в бытии и образе жизни. И таких людей, по разным

оценкам, в стране от 3 до 5%, то есть около 4 млн. человек. Такую долю населения Россия, рассчитывающая войти в число лидеров мировых держав, просто не может себе позволить держать в подобном качестве, чтобы не уронить престиж страны. Кстати сказать, на Западе такие граждане составляют куда меньшую часть населения.

Несмотря на кризисную ситуацию признаков резкого роста протестных настроений мы не отмечаем. Скорее раздражение, чем всеобщее недовольство. Долгие годы в обществе сохраняется уникальное доверие к властным персонам, прежде всего к первым лицам. Его не уменьшил и переход президентских полномочий от В. Путина к Д. Медведеву. Даже в условиях кризиса уровень доверия к ним уменьшился ненамного: с 80% до 65–70. Люди доверяют руководителям страны, позитивно воспринимают разного рода "прямые линии" из Кремля. Но обращаются к первым лицам (а не к местной власти) фактически с любыми вопросами, вплоть до протекающей крыши. Президента или Председателя Правительства назначили ответственными "за все". И альтернативы им общество не видит. Эти два лица остаются единственными, кому доверяет общественное большинство.

И в этом я вижу одно из позитивных последствий кризиса – классическое "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Кризис в некотором роде отрезвил массовое сознание. По нашим данным, он заставил людей разбираться в сути происходящего и лучше его понимать. В массовом сознании стало меньше крайних оценок власти. Укрепилась выдержка людей, они все чаще стали высказывать уверенность в том, что с бедами, которые на нас свалились, мы справимся. И я могу сказать абсолютно точно: россияне оказались мудрее, сдержаннее, чем многие известные эксперты, которые, извините, буквально в истерике бились,

предрекая вселенские катастрофы и полный хаос в стране в результате кризиса.

Это редкий случай, но нервы населения оказались гораздо крепче, и реагировало оно на кризис куда с меньшей паникой, чем эксперты. Общество готово было воспринять неблагоприятные времена как "неизбежное зло", которое свалилось не только на Россию, но и на весь мир. И мне остается только догадываться, зачем некоторым аналитикам понадобилось нагнетать панические настроения в обществе.

Кризис мы переживаем не впервые. Было ли у нынешнего "особое лицо"? В сравнении с дефолтом 1998 года различия существенные, хотя прошло всего-то 10 лет. Мы обратились к данным исследований того периода. В 1998 году на дефолт панически реагировали 68%, то есть две трети населения. Они побежали в банки спасать свои деньги. В 2008-м так поступила лишь одна треть. Разница существенная. Что люди делали с этими деньгами? Во времена дефолта их старались немедленно материализовать: купить продукты, товары длительного пользования и т.д. Что получилось через 10 лет? Деньги стали превращать в деньги, перекладывая из одного банка в другой, более надежный, либо из рублей в валюту. Таким образом, невооруженным взглядом видно: экономическое поведение россиян стало более умным.

Конечно, не все слои населения проявляли в данном случае одинаковую активность и предприимчивость. В основном так действовали люди до 40 лет – те, кто в отличие от консервативного старшего поколения, воспитывался уже в новых экономических условиях. Но если такие установки вошли в плоть и кровь активной части граждан, значит, они останутся надолго.

И здесь я тоже вижу серьезные сдвиги в массовом экономическом сознании. Дело даже не в том, что человек уже не стремится немедленно обратить пачку денег из-под матраса в квадратные метры или побрякушки, чтобы рубли, доллары, евро не пропали. Важно, что сейчас люди создают для себя личный запас прочности, не особо уповая на помощь государства, что для советского менталитета было нетипично. Люди понимают: может случиться не кризис, а пожар, развод, кража или бизнес-партнер тебя подведет. И на этот случай нужно создать некую страховку в виде накоплений, собственности и т.п. Причем не "от государства положенную", а созданную самолично.

Даже в условиях кризиса около 40% россиян признались, что в помощи государства в общем-то не нуждаются, а нужно им, чтобы оно просто не мешало работать, чтобы не было лишних проверок, взяток, запретов и многого другого. И тогда они сами кризис переживут. Вот вам и ответ, насколько россиянам присущ так называемый "патернализм".

За последние 10 лет группа людей, способных и готовых самостоятельно решать свои материальные проблемы, выросла с 28% до 40. Это серьезный прорыв вперед. На мой взгляд, именно эта группа людей сможет сыграть одну из решающих ролей в том проекте модернизации страны, в переходе к умной экономике, о чем говорит руководство России.

Но сначала скажу о тех, кто в модернизации не заинтересован. Это люди, у которых "все есть". Трудовые отношения – устойчивые. Работа дает не только ежемесячное денежное вознаграждение, но и ренту в размере 3–6–8 и более зарплат. Обеспечена безопасность и фактическая безнаказанность. Догадаться, о ком идет речь, нетрудно – о бюрократии.

Модернизация сродни рационализации на производстве, когда система управления становится компактной и лишние звенья исключаются. А у нас в стране громадный бюрократический аппарат, который сегодня составляет, по приблизительным оценкам, более 1,5 млн. человек. Это больше, чем было в СССР. И новая российская бюрократия (в чем меня убеждают данные наших исследований) сумела опровергнуть самого Маркса. Он говорил, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Оказывается, можно. Бюрократия встала над обществом, забирает у него что хочет, управляет им как хочет, может выполнить принятые наверху решения, а может их и "придержать". По аналогии с "андерклассом" (отверженными) мы имеем здесь "суперкласс" – неприкасаемых. И куда там Марксу, Энгельсу и всем другим низвергателям основ, вместе взятым, с ними бороться.

Носителями идей модернизации могут стать только те, кто в ней кровно заинтересован: те самые средние слои, которым сейчас фактически перекрыт выход наверх и на вольный воздух. И если они в эти идеи не поверят и не будут в них вовлечены, то модернизация останется только в официальных программах. Без среднего класса она в России не состоится.

Безусловно, средний класс неоднороден, в нем самом есть довольно пестрые группы. Но это означает лишь то, что государство должно точно и гибко реагировать на их запросы и сделать так, чтобы модернизация стала для этих людей реальным шансом улучшить свою жизнь.

Особый разговор о молодежи. Ей мы посвятили несколько исследований – общие итоги подведены в только что вышедшей монографии¹.

¹ Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., ЦСПиМ. 2010.

Пару лет назад в ходе исследований мы заметили усилившееся желание молодежи работать в государственном управлении, что было неожиданным даже для нас, социологов. И какими бы ни были в данном случае скрытые мотивы (гарантии работы, зарплаты, стабильность, влияние и т.п.), эти люди в любом случае могут составлять резерв для модернизации.

Если подобные кадры должным образом выучить, то цены не будет таким управленцам. Они будут знать, что в процессе модернизации вырастут не только их зарплаты, но и они сами как профессионалы, как личности. Для молодого человека это очень важно. Особенно сейчас, когда мы видим, что прежние так называемые "социальные лифты", по которым люди продвигались вверх, либо переполнены (в двери не войдешь), либо прочно застряли. Даже в 90-х гг. XX в. они работали быстрее и надежнее. А сейчас все места заняты. К сожалению, на государственном уровне не задумываются об этом, а зря.

Например, в мегаполисах много молодых людей с двумя образованиями, которым эти знания некуда девать, работы и сферы приложения сил нет. Модернизация и должна сделать так, чтобы эти люди смогли реализовать свой потенциал, направить энергию в позитивное для общества русло. А им в лифте места нет.

Одной из самых важных перемен общественного сознания России за последние 10 лет является то, что за годы стабильности стало сходить к минимуму такое явление, как "радикальное сознание масс". Оно осталось лишь в локальных группах или территориях. Радикализм перестает быть свойством русского характера, которым был сотни лет подряд. И даже в условиях кризиса общество может еще долгое время оставаться стабильным.

Собрать сегодня радикальный общероссийский протест невозможно: для этого нет ни политической силы, ни, что главное, единой, сплоченной и внутренне организованной социальной базы. Если хотите, это новые черты российского менталитета: выдержка и последовательность действий, которые раньше массам были не очень свойственны. Человек отходит от переполненного лифта и не впадает в отчаяние. Он ищет, где поблизости лестница, идет пешком или нажимает другую кнопку.

Молодежь пытается адаптироваться к миру, а не ждет, как это было с другим поколением, пока "мир прогнется под нас". Прагматический подход? Безусловно. Молодые люди ведут расчетливый образ жизни, они не хотят впустую тратить силы и время.

При этом по данным тех же опросов, в структуре духовной жизни есть и такая сфера, к которой молодежь стала проявлять более пристальное внимание, – религия. За последние 10 лет заметно выросло число молодых людей, которые обращаются к вере как к чему-то для себя важному. Это не значит, что они чаще стали ходить в православную церковь или иной храм. Но вера важна им как "помощник", "ориентир", "вечная ценность". По-видимому, они таким образом заполняют тот духовный вакуум, в котором оказались. Но когда у людей в базовую пятерку ценностей (после семьи, работы, друзей и свободного времени) добавляется религия – это многое значит.

Конечно, современная молодежь – самый сложный субъект для научного анализа. Такого расслоения ценностей, интересов и мотивов для действия нет ни в одной социально-демографической группе. В среде молодежи особенно резко проявляются те неравенства, которые существуют в обществе как таковом: по уровню доходов, шансам получить

хорошее образование и полноценное медицинское обслуживание, по месту жительства и т.д.

Но при этом хочу подчеркнуть: чего в российском обществе нет, так этого пресловутого "раскола между поколениями". Расхождения есть, но пропасти не существует. У 70% молодежи и стариков совпадают жизненные ценности, они гордятся одними и теми же фактами и персонами российской истории. Победой в Великой Отечественной войне, полетом Гагарина, достижениями нашей науки и культуры. Все это для молодежи также значимо и ценно, как и для представителей старших поколений.

Разумеется, сама по себе молодежная среда далеко не однородна. В ней можно выделить разные группы. Около 70% никогда ни в каких политических и общественных объединениях и движениях не участвовали и не будут. Активных, по нашим данным, около 3%. А остальные 27% пока являются наблюдателями, сочувствующими. Фактически это резерв для масштабной и системной социокультурной модернизации страны. Привлекать их к делу нужно по тем же принципам, что и строить умную экономику – не как статистов или массовку, а делая ставку по крайней мере на большинство из них. Если это удастся, то Россия при активном участии такой молодежи проведет модернизацию лет за 8–10. Молодые люди должны ясно понять, что именно даст им модернизация. А нарочито учить их "родину любить" уже не надо: они, как показывают опросы, этому научились.

И это чувство патриотизма не приемлет те социальные изъяны, которые, как червоточина, разъедают государственный механизм. Самым опасным из них является коррупция.

Часть российского общества верит, что обуздать ее можно, другая – нет. Хотя многие просто не знают, что в ряде стран с не менее "богатыми"

традициями сделать это удалось. Например, в Италии, и не только там. При политической воле эта задача вполне разрешима.

Начинать нужно со столиц. И действовать предельно решительно. Но с другой стороны, взятки не только берут, их – дают. И как относиться, например, к такой цифре: в Москве и Санкт-Петербурге 36% жителей, судя по данным опросов, постоянно пользуются системой протекционизма (взятки, помощь по принципу "ты мне – я тебе"), чтобы устроить ребенка в институт, знакомого на работу и т.п.

Это считается практически нормой жизни. По России в систему протекционизма втянуто 28% населения, то есть более 25 млн. человек. И пока мы не изменим саму атмосферу, чтобы "кривой путь" не казался надежнее прямого и честного, коррупция и протекционизм непобедимы. Но если другим странам удалось, чем мы хуже или глупее?

Мы сами вполне способны выработать адекватные меры в борьбе с коррупцией. И я считаю, что незачем (как предлагают сейчас) звать для осуществления новых "рывков" зарубежных ученых или экспертов, к тому же на особых условиях, ведь они не переживали с ней вместе ни дефолтов, ни подъема, ни страха, ни надежды, ничего.

Одно могу сказать как коренной российский ученый. Власть добивается успеха, когда дает себе труд прислушаться к мнению людей и действует в их интересах.

Наша государственная статистика перед самым избранием Д. Медведева на пост Главы государства наконец-то сделала очень важный шаг: включила в систему показателей 4 субъективных параметра, определяющих оценку степени удовлетворенности населения различными сторонами работы региональных властных структур, то есть оценку, которая выявляется только методом опросов населения. Мы, социологи,

предлагали ввести 13 таких позиций, но даже эти четыре – уже серьезный прорыв. Потому что без оценок, основанных на мнении людей о работе власти, любая статистика будет "больше, чем ложью".

М. ГОРШКОВ,
директор Института социологии РАН,
член-корреспондент РАН,
лауреат Государственной премии Российской Федерации
в области науки и техники